

В ОДНОМ ДЕПАРТАМЕНТЕ СЛУЖИЛ ОДИН ЧИНОВНИК: РЯБОВАТЫЙ, ПОДСЛЕПОВАТЫЙ И С ТЕМ ЦВЕТОМ ЛИЦА, КОТОРЫЙ ОБЫЧНО НАЗЫВАЮТ ГЕМОРРОИДАЛЬНЫМ. ИЗ ТЕХ, КТО РОДИЛСЯ НА СВЕТ БЫТЬ ВЕЧНЫМ ТИТУЛЯРНЫМ СОВЕТНИКОМ. ФАМИЛИЯ ЕГО БЫЛА БАШМАЧКИН, ХОТЯ ВСЕ ПРЕДКИ ХОДИЛИ В САПОГАХ. ЗВАЛИ ЧИНОВНИКА АКАКИЙ АКАКЬЕВИЧ. ТАК СЛУЧИЛОСЬ, ЧТО МАТУШКА ЕГО, ПЕРЕБРАВ ПО СВАТКАМ ВСЕ ПОДХОДЯЩИЕ КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ ИМЕНА, НИЧЕГО НЕ ВЫБРАЛА И РЕШИЛА: „ПУСТЬ УЖ БУДЕТ, КАК ОТЕЦ ЕГО, АКАКИЙ!“

СРЕДИ ВСЕХ ЭТИХ ДОКУК
ОН НЕ ДЕЛАЛ
НИ ОДНОЙ ОШИБКИ
В ПИСЬМЕ

ОСТАВЬТЕ
МЕНЯ.
ЗАЧЕМ ВЫ
МЕНЯ
ОБИЖАЕТЕ
?

Я БРАТ
ТВОЙ

КОГДА
БУДЕТ
СВАДЬБА?

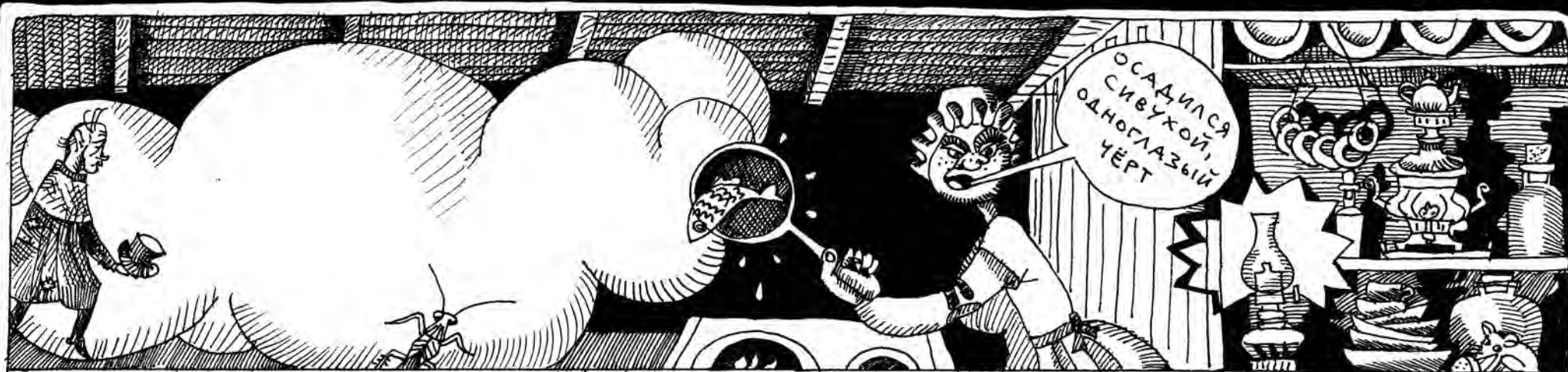
Никакого уважения никто ему не выказывал: сторожа его не замечали, словно он был муха какая, начальники поступали с ним холодно-деспотически, молодые чиновники подсмеивались над ним. Он же продолжал переписывать бумаги, и только жалобно произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» И в том, как говорил это маленький лысый человек, казалось, звенело: «Я брат твой».

ВНЕ ПЕРЕПИСЫВАНИЯ ДЛЯ НЕГО НИЧЕГО НЕ СУЩЕСТВОВАЛО, БЫЛИ У НЕГО БУКВЫ - ФАВОРИТЫ, КОТОРЫМ ОН ПОДМИГИВАЛ И ПРИЧМОКИВАЛ. ДАЖЕ КОГДА ДРУГИЕ ЧИНОВНИКИ ШЛИ ОБЕДАТЬ, РАЗВЛЕЧЬСЯ В ТЕАТР ИЛИ ПРОГУЛЯТЬСЯ, АКАКИЙ АКАКиеВИЧ НАСКОРО ЕЛ ДОМА И СНОВА САДИЛСЯ ПЕРЕПИСЫВАТЬ. НАПИСАВШИСЬ В-СЛАСТЬ, ОН ЛОЖИЛСЯ СПАТЬ, УЛЫБАЯСЬ МЫСЛИ: ЧТО-ТО БОГ ПОШЛЁТ ПЕРЕПИСЫВАТЬ ЗАВТРА.

Есть в Петербурге злейший враг не только титулярных, но и статских советников. Он щёлкает по носам, гонит с улицы и кусает сквозь шинели чиновный люд. Враг этот - мороз. А шинелька Акакия Акакиевича была так старая и тонкая, так поистерлась, что товарищи по департаменту называли её презрительно капотом. Мороз стал пропекать уже в плечо и спину, и нужда повела Башмакина к портному, жившему на четвёртом этаже по чёрной лестнице.

ПЕТРОВИЧ БЫЛ ТРЕЗВ И, РАСТОПЫРИВ КАПОТ, СКАЗАЛ С ВАРВАРСКИМ СПОКОЙСТВИЕМ: «ДЕЛО СОВСЕМ ГНИЛОЕ. ПРИДЕТСЯ НОВУЮ ДЕЛАТЬ.» ПРИ СЛОВЕ «НОВУЮ» У АКАКИЯ АКАКЬЕВИЧА ЗАТУМАНИЛО В ГЛАЗАХ: «КАК ЖЕ ЭТАК ПРАВО ТОГО? ВЕДЬ У МЕНЯ И ДЕНЕГ НА ЭТО НЕТ. КАК-НИБУДЬ ПОПРАВЬ.» — «ДА НЕТ, ЭТО И РАБОТУ УБИВАТЬ И ДЕНЬГИ ПОПУСТУ ТРАТИТЬ. ТРИ ПОЛСОТНИ НАДО ПРИЛОЖИТЬ» — ЗАЛОМИЛ ПЕТРОВИЧ.

✓ НА 150 СГОВОРИЛИСЬ
✓ ЗА 80 ВОЗЬМЁТСЯ СДЕЛАТЬ
✓ 40 МОЖНО НАЙТИ
✓ ГДЕ ЖЕ ВЗЯТЬ ЕЩЁ 40

УХ!
А НЕ ПОЛОЖИТЬ
ЛИ
КУНИЦУ
НА
ВОРОТНИК?

40 РУБЛЕЙ БЫЛО В КОПИЛКЕ. ГДЕ ВЗЯТЬ ОСТАЛЬНОЕ? НАДО БЫ УМЕНЬШИТЬ ОБЫКНОВЕННЫЕ ИЗДЕРЖКИ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, В ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОДА! СНАЧАЛА БЫЛО ТРУДНО, НО ПОТОМ АКАКИЙ ПРИУЧИЛСЯ ГОЛОДАТЬ ПО ВЕЧЕРАМ; ЗАТО ПИТАЛСЯ ДУХОВНО, НОСЯ В МЫСЛЯХ СВОЮ ВЕЧНУЮ ИДЕЮ БУДУЩЕЙ ШИНЕЛИ. САМОЕ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЕ СДЕЛАЛОСЬ КАК-ТО ПОЛНЕЕ, КАК БУДТО БЫ ОН ЖЕНИЛСЯ И ПОДРУГА ЕГО БЫЛА НЕ КТО ДРУГАЯ, КАК ШИНЕЛЬ НА ТОЛСТОЙ ВАТЕ.

В ДЕПАРТАМЕНТЕ ВСЕ УЗНАЛИ ПРО НОВУЮ ШИНЕЛЬ И ВЫБЕЖАЛИ ПОЗДРАВЛЯТЬ, А ПОМОЩНИК СТОЛОНАЧАЛЬНИКА ТУТ ЖЕ ПОЗВАЛ НА ВЕЧЕР. ВЕСЬ ЭТОТ ДЕНЬ БЫЛ ТОЧНО САМЫЙ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК. НА ВСЁ ГЛЯДЕЛ АКАКИЙ, КАК НА НОВОСТЬ: ДАМСКИЕ ШЛЯПКИ, КАЛОШИ, ШИНЕЛИ ДА ПЛАЩИ С БОБРОВЫМИ ВОРОТНИКАМИ, СВЕЧИ, ТРУБКИ, СТОЛЫ ДЛЯ КАРТ, ВИНЕГРЕТ И ХОЛОДНАЯ ТЕЛЯТИНА. ОН ВЫПИЛ ДВА БОКАЛА ШАМПАНСКОГО И ПОШЁЛ ДОМОЙ В САМОМ СЧАСТЛИВОМ РАСПОЛОЖЕНИИ ДУХА.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ УЛИЦЫ НЕ ТАК ВЕСЕЛЫ ВЕЧЕРОМ, КАК ДНЁМ. ФОНАРИ МЕЛКАЛИ РЕЖЕ, НИГДЕ НИ ДУШИ, И ТОЛЬКО СВЕРКАЛ СНЕГ ДА ЧЕРНЕЛИ НИЗЕНЬКИЕ ЛАЧУЖКИ. А КАКИЙ АКАКИЕВИЧ ПРИБЛИЗИЛСЯ К БЕСКОНЕЧНОЙ ПЛОЩАДИ, ВСТУПИЛ НА НЕЁ НЕ БЕЗ НЕВОЛЬНОЙ БОЯЗНИ, ПРЕДУЧУВСТВУЯ НЕДОБРОЕ. «НЕТ, ЛУЧШЕ И НЕ ГЛЯДЕТЬ» — ПОДУМАЛ ОН И ШЁЛ, ЗАКРЫВ ГЛАЗА. ВДРУГ ПРЯМО ПЕРЕД НИМ ВОЗНИКЛИ КАКИЕ-ТО ЛЮДИ С УСАМИ. У НЕГО ЗАТУМАНИЛО В ГЛАЗАХ И ЗАБИЛОСЬ В ГРУДИ.

АКАКИЙ почувствовал, как сняли с него шинель и дали пинка коленом. Он упал навзничь в снег и ничего больше не чувствовал. Через несколько минут он опомнился, поднялся на ноги, но уже никого не было. Он стал кричать — голос не долетал до концов площади. Будочник ничего не видел. Старуха-хозяйка всплеснула руками, увидев своего постояльца в совершенном беспорядке: редкие волосы его растрепались, бок, грудь и все панталоны были в снегу.

ПОУТРУ В СТАРОМ КАПОТЕ ОТПРАВИЛСЯ АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ К ЧАСТНОМУ — ТАМ НЕ ХОТЕЛИ ПУСТИТЬ. В ОБЕД, НАКОНЕЦ ЧАСТНЫЙ ПРИНЯЛ И СТАЛ РАССПРАШИВАТЬ, ОТКУДА БАШМАЧКИН ШЁЛ ТАК ПОЗДНО. ЧИНОВНИКИ ХОТЕЛИ СДЕЛАТЬ ДЛЯ НЕГО СКЛАДЧИНУ, НО СОБРАЛИ БЕЗДЕЛИЦУ. КТО-ТО ДАЛ ДОБРЫЙ СОВЕТ — ОБРАТИТЬСЯ К ЗНАЧИТЕЛЬНОМУ ЛИЦУ. ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЛИЦО В ДУШЕ БЫЛ ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК, НО ГЕНЕРАЛЬСКИЙ ЧИН СОВЕРШЕННО СБИЛ ЕГО С ТОЛКУ. НЕИЗВЕСТНО ПОЧЕМУ БАШМАЧКИН ПОКАЗАЛСЯ ФАМИЛЬЯРНЫМ И ОН ХОРОШЕНЬКО РАСПЁК ЕГО.

КАК СОШЁЛ С ЛЕСТНИЦЫ, КАК ВЫШЕЛ НА УЛИЦУ, НИЧЕГО УЖЕ НЕ ПОМНИЛ АКАКИЙ. ВЕТЕР ДУЛ СО ВСЕХ СТОРОН И ВМИГ НАДУЛ ЕМУ В ГОРЛО ЖАБУ. НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ОТКРЫЛАСЬ ГОРЯЧКА. ДОКТОР ТОЛЬКО И МОГ ПОСОВЕТОВАТЬ ЗАКАЗАТЬ СОСНОВЫЙ ГРОБ. В БРЕДУ БОЛЬНОМУ ЯВЛЯЛАСЬ ШИНЕЛЬ С ЗАПАДНЯМИ ДЛЯ ВОРОВ, ТО ЧУДИЛСЯ ГЕНЕРАЛ И ОН СКВЕРНОХУЛЬНИЧАЛ. НАКОНЕЦ, НЕСЧАСТНЫЙ ИСПУСТИЛ ДУХ. И ПЕТЕРБУРГ ОСТАЛСЯ БЕЗ АКАКИЯ, КАК БУДТО ЕГО И НИКОГДА НЕ БЫЛО. А В ДЕПАРТАМЕНТЕ НА ЕГО МЕСТО ПОСАДИЛИ ДРУГОГО ЧИНОВНИКА

Поползли слухи, что у Калинкина моста по ночам чиновник-мертвец ищет утащенной шинели. Как-то значительное лицо возвращалось после приятного вечера. Вдруг кто-то дернул его за воротник, и генерал не без ужаса узнал бледного, как снег, Акакия Акакиевича. Рот мертвеца отворился и произнёс, пахнувши могилою: "Твоей шинели мне и надо!" — и сорвал генеральскую шинель. Больше чиновник-мертвец не появлялся. А впрочем, у Обухова моста.... видели другое привидение, больше ростом и с огромными усами.

